

Мне не придется бежать, ведь ты не сможешь
должна зависеть от меня, а я не смогу
и я решила не связывать себя обещаниями, которые
на тебе. Ты также не обязан звать мне ве
рность, мне не надо ожидать от тебя, а если
я и было зачем, то это было бы несправедливо на

СЕРИЯ «ДОЧЕРИ АВРААМА» III

≡ Беверли Льюис ≡

2-е издание, исправленное

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2010

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*О, человек! сказано тебе,
что — добро и чего требует от тебя Господь:
действовать справедливо, любить дела
милосердия и смиренномудренно ходить
пред Богом твоим.*

Книга пророка Михея 6:8

Аня Дэрсон

‡ П Р О Л О Г ‡

ЛЕТО 1949 ГОДА

Уже июнь, и пение козодоя* напоминает мне о наступлении поры, когда поспевают первая ягода. Я же всё чаще вспоминаю былые времена. После отъезда Ионы Маста в штат Огайо прошло более двух лет, но мне до сих пор непонятно, что с ним произошло, а заодно и с моей старшей сестрой, Сэйди. Не знаю, способна ли я теперь молиться об их счастье с большей охотой, чем делала это прежде.

Сейчас, в начале лета, когда поспевшая земляника так и просится на стол, мне что ни день вспоминается Иона. Пирожки с земляникой и ревенем он, бывало, уплетал за обе щеки, ведь наши мамы, его и моя, пекли их ему на сотовом меду, так что получалось просто объеденье. «В конце концов, десерт на то и десерт, чтобы от сладости таять во рту», — приговаривала в ту пору мама с по-детски обезоруживающей простодушной улыбкой. Теперь пирожки с ягодной начинкой Ионе печет, должно быть, одна Сэйди.

Я по-прежнему не могу понять, почему между Ионой, Сэйди и мной всё сложилось так скверно. Кажется, я была им обоим достаточно близка, так что они могли догадаться сразу, еще до момента обнародования известного постановления епископа Бонтрагера, послать мне весточку и всё объяснить. Всё что угодно, лишь бы не эта жуткая тишина, всё что угодно, лишь бы не это устрашающе-мрачное

* Восточноамериканский козодой — небольшая лесная птица с длинными крыльями и длинным хвостом. — *Здесь и далее все примечания принадлежат переводчику.*

безмолвие. О том, как всё *verkehrt** — перевернулось вверх дном, у меня нет ни малейшего представления, и это усиливает мое отчаяние. За два года из штата Огайо до нас не дошло ни одного письма! В общем, подтверждаются мои наихудшие опасения. Однако мне до сих пор кажется, что Сэйди не может не задумываться о том, знаю ли я, что она вышла замуж за Иону, и как больно она меня ранила, уведя моего возлюбленного. И как ей удастся ладить с собственной совестью?!

Мало-помалу я привыкаю к мысли об окончательном разрыве со своим дорогим Ионой, ибо что хорошего томиться и тосковать о человеке, который принадлежит другому. Все уже полагают, что самое худшее для меня миновало и я вернулась к прежней жизни. Они никогда ничего не узнают обо мне, поскольку я стараюсь бодриться и охотно, с удовольствием тружусь... да к тому же после той безжалостной осени прошло довольно много времени. Но, честное слово, я до сих пор теряюсь в догадках, как могло случиться, что после того, как мы с Ионой обсудили устройство нашей свадьбы, неожиданно пришло очень странное послание, в котором говорилось, что мой возлюбленный заподозрил Гедеона Пичи в пылкой ко мне любви и ухаживании за мной. Хотя я тотчас написала Ионе, убеждая его в своей нежной к нему любви, он так и не дал о себе знать. Уже одно это может спутать мысли и повергнуть в отчаяние.

Конечно, если бы Иона знал о моей давней дружбе с Гедом-кузнецом, это внесло бы некоторую ясность. Ведь в то время ничего более далекого от правды, чем эти подозрения, и быть не могло. Тогда мое сердце безраздельно принадлежало одному Ионе, и я никому не давала повода думать иначе. Ни Геду-кузнецу, ни его сестре, а моей ближайшей подруге, Аде, ни моим дорогим отцу и маме, хотя отец, надо сказать, спал и видел, как в один прекрасный день Гед добьется моего расположения.

После того как мне стала известна сокровенная тайна тети Лиззи, а заодно со мной — Мэри-Руфи и Анне, здоровье бабушки и отца, казалось, заметно поправилось, а у мамы и тети Лиззи будто наступила новая пора жизни. И всё это несмотря на освободившееся место за

* От нем. *verkehren* — извращать, искажать.

нашим большим кухонным столом! Отсутствие Сэиди для каждого из нас превратилось в источник постоянного беспокойства, особенно после того, как ее изгнали из общины Индюшиного холма. Отец оказался прав: спустя какое-то время епископ Бонтрагер настоял на том, чтобы мы возвращали Сэидины письма нераспечатанными. Неудивительно, что, уехав в штат Огайо, она после Рождества перестала нам писать. Видит Бог, как бы мне хотелось прочитать всё то, что она успела нам написать.

Бывают дни, когда мне кажется, что моя сестра отбывает очень и очень долгое, многолетнее наказание. Однако будь это на самом деле так, за мной уже закрепились бы репутация *maidel**, которой я, конечно, не являюсь. От роду мне сейчас девятнадцать лет — пора выходить замуж, а то пройдет еще два-три года, и вот тогда меня смело можно будет называть *maidel*, хотя если бы моим сердцем завладел Гед-кузнец, мы бы с ним уже давно поженились.

Земляничные поляны манят меня даже теперь, однако вместо сбора ягод на рассвете мне приходится помогать отцу с утренней дойкой. Есть нечто упоительное в лазанье по пригоркам и холмам, когда звонкий шум — смесь блаженных голосов природы — заполняет твои уши, когда весело мелькают твои босые ноги, когда в небе высоко и надменно стоит жгучее солнце и оловянное ведро потихоньку наполняется сочными красными ягодами. На земляничных полянах, под широким куполом неба, наедине с природой в моем сердце воцаряются благоразумие и мир. По крайней мере, на какое-то время...

* Диал. от устар. Maid (нем.) — дева, девушка.

Однажды после завтрака мама очень спокойно, даже как-то буднично объявила о своей беременности. Лия ненадолго задержалась в дверях кухни, пока ее сестры-двойняшки, в особенности Мэри-Руфь, проявляли по этому поводу бурный восторг: как же, их мама опять в положении! По мнению многих приверженцев старой веры, делиться подобным известием с не состоящими в браке детьми — стыд и позор, однако мама с отцом думали иначе и без смущения включили в состав посвященных троих старших дочерей.

— Вот будет здорово, когда в доме появится малыш, а то Лидия-то не такая уж и маленькая — ей ведь уже два года! — заявила Мэри-Руфь.

«Это просто *чудо*, что у Лидии появится примерно одного с ней возраста братишка или сестренка», — улыбаясь во весь рот, размышляла Анна, ничего никому не говоря, поскольку старалась довольно сдержанно проявлять свои чувства, совсем как отец, которому мама первому сообщила эту новость.

До сего дня Лия пребывала в полном неведении о предстоящем пополнении семейства, поскольку отец ничем не выдал своего знания, хотя на утренней дойке имел массу возможностей поделиться с ней этой новостью. Не любил отец все говорить о личном — по собственному опыту Лия знала это наверняка, так как уже давно добивалась от него сведений об обстоятельствах своего появления на свет, и всё напрасно.

— Ради Бога, Лия, — говорил всякий раз Авраам, когда она поднимала этот вопрос, — будь благодарна, что Господь Бог сотворил тебя крепкой и здоровой и что ты родилась головкой вперед. Ну, что тебе еще хочется знать?

И все-таки Лии приходило в голову много других вопросов, например кем был ее родной отец. Разговоров об этом сама тетя Лиззи никогда не заводила, видимо, просто не хотела это вспоминать. *Стоит ли копать в прошлом, когда в нем столько прискорбного?* Быть может, в этом всё дело, думала Лия. Или тетя Лиззи не хотела ворошить прошлое из страха предать огласке недостойное поведение одного из членов Амишской церкви в Орешниковой ложбине, хотя та и располагалась за много миль отсюда? Не оставляли Лию и другие навязчивые мысли о том дне, когда она родилась в доме Эберсолов. Вот только не в силах была Лия обратиться с вопросами к самой тете Лиззи.

Молчание нарушила Мэри-Руфь. Украдкой поглядывая на Лию, она сказала:

— Может быть, у отца наконец-то появится *настоящий* сын.

— Ой, умоляю тебя, — остановила ее мама и покачала головой. Перебирая пальцами складки длинного черного передника, она присела на деревянную скамью рядом с кухонным столом. Скоро ее щеки запылали от жара дровяной печи, в которой пеклись два огромных земляничных пирога.

— А... если родится девочка, — вставила Анна, — тогда не придется много шить.

— Только в том случае, если мы свяжем много афганок*, — заговорила наконец Лия. — Так что пора начинать уже сейчас, до декабря времени не так много... Не забывайте, ведь Лидия-то родилась весной.

После этих слов Лия заметила на мамином лице кроткую улыбку.

— Вот умница, Лия! Ты всегда говоришь дельное!

Мэри-Руфь между тем не умолкала. Теперь ее волновало, где же будет спать Лидия, когда малютка появится на свет.

— А что, пусть она спит у нас. Ты ведь не против, Мэри-Руфь? — предложила Анна.

* Афганкой (afghan) американцы называют вязаный шерстяной платок.

— Тогда, боюсь, — рассмеялась мама, — много спать вам не придется. Во всяком случае, не с такой егозой, как Лидия!

На этом месте общего разговора Лия выбежала во двор и направилась в курятник, где принялась кормить кур. Прислонившись к покосившейся стене, она наблюдала за тем, как они клюют землю вокруг ее босых ног. «Честное слово, — сказала она вслух, — даже не знаю, радоваться новому ребеночку или горевать по этому поводу».

Курицы слова Лии «пропустили мимо ушей», а вот единственный петух, склонив голову набок, посмотрел на нее с нескрываемым любопытством. Услышав о том, что к рождественским праздникам мама ждет ребенка, Лия заставила себя улыбнуться. Наедине с домашней птицей она мысленно вернулась в прошлое, за несколько месяцев до рождения Лидии. В то время мама уставала, как никогда прежде... к тому же ее сильно тошнило. Ей скоро исполнится сорок пять, и той энергии и силы, что в минувшие годы, у нее уже нет, хотя перед Лииными глазами было много замужних женщин такого же возраста и даже старше, которые рожали без особых неприятностей. Как хорошо, что в родословной ее мамы была вереница таких женщин. С другой стороны, Лия очень радовалась предстоящему появлению у отца сына, если, конечно, родится мальчик.

Направляясь из курятника на скотный двор, Лия услышала, как ее окликают остановившийся у края кукурузного поля Гед-кузнец.

— *Wie geht's**, Лия? Найдется ли у тебя свободная минутка?

По привычке Лия бросила взгляд в сторону задней двери, чтобы узнать, не следит ли мама или кто-нибудь из двойняшек за ней и Гедом. Гед после бега тяжело дышал, но глаза его сияли.

— А что такое? — спросила Лия.

Гед улыбался, глядя на нее сверху вниз:

— У нас от немецкой овчарки новый помёт, и я думаю, Аврааму — твоему отцу — может приглянуться один из щенков.

Все прекрасно знали, что отцу хотелось приобрести еще одну, третью собаку, после того как год с лишним назад он купил у Гедов вторую немецкую овчарку, Блэки.

* *Wie geht's?* (нем.) — Как дела? Как поживаешь?

— Когда в семье столько женщин, не мешает завести для охраны еще одного пса. Вообще собак слишком много не бывает, по крайней мере — для меня, — проговорил Гед, добродушно улыбаясь.

Лия вместе с Гедом шла в амбар и слушала, как он описывает масти щенков.

— Знает ли о родившихся щенках отец? — спросила она.

— Он знает, что щенки вот-вот должны появиться на свет, поскольку последние недели я не был один как перст и сам с собой не разговаривал. — Оба над этим посмеялись, а затем Гед добавил: — Думаю, сейчас Авраам ждет не дожидается от меня доброй вести.

Лия почувствовала, как запылали ее щеки:

— Лучше бы эту весть ты сообщил ему *сам*.

Глаза Геда радостно засветились.

— Ладно, только вот еще что... мне хочется сказать тебе и кое-что другое.

Лия затаила дыхание, испугавшись, что Гед воспользуется ситуацией, когда вокруг никого нет, и скажет ей нечто более важное.

Он так и сделал... по крайней мере, начал:

— Я кое о чем хотел тебя спросить.

Лия отступила на шаг. На самом деле она всю жизнь, пусть и под благовидными предлогами, незаметно отстранялась от Геда, что порой выглядело даже романтично. Она всегда любила троюродного брата Иону и теперь что было сил старалась скрыть свою горькую печаль от семьи и более всего от Геда-кузнеца, который по-прежнему оставался ей только добрым другом, каким был всегда, а особенно в последнее время. И всё же при мысли о том, что внимание Геда продиктовано жалостью, Лию начинала бить дрожь, хотя у нее не было никакого намерения превращать их дружбу в нечто большее лишь потому, что Гед ее любит.

«А-а-х», — застонала она в душе. Как ей хотелось, чтобы кто-нибудь — *кто угодно* — появился в амбаре прямо сейчас! Однако ничего подобного не произошло, и даже амбарные голуби, сидевшие высоко на стропилах, не издали ни звука, когда Гед коснулся ее руки.

— О, Гед... — промолвила Лия, хотя на самом деле хотела сказать: «*Помилуй, больше не говори ни слова*», но не сказала, словно лишившись дара речи. Ей ли было не знать всей горечи отверженности, и

теперь, когда его глаза смотрели в ее глаза, было заведомым злом обидеть его.

Он всё еще держал ее руку, когда тишину нарушили скрипучие звуки, доносящиеся из-за амбара, со стороны ветряной мельницы.

— В следующую субботу Ада со своим кавалером собирается поужинать в Страсбурге. Я подумал, что было бы неплохо развлечься и нам с тобой. Может, ты согласишься поехать туда на моей багги*?

На этот счет ни у кого не было бы двух мнений: *такая поездка* означает парное ухаживание (среди амишской молодежи принято встречаться парами), и Гед прекрасно это знает. Затаив дыхание и не поднимая глаз, Лия осторожно высвободила руку. «*Что же мне тебе сказать?*»

— Если хочешь договориться об этом с Адой, я не против, — сказал Гед.

Его слова прошелестели подобно озерному камышу — ничего похожего на его обычно уверенную манеру речи. Внутренне Гед-кузнец, наверное, весь напрягся. Ему очень хотелось, подумалось Лии, провести с ней будущий субботний вечер, причем вместе с другой парой — ее двоюродным братом Самуилом Эберсолом, младшим сыном дяди Иессея, и своей сестрой, Адой. К тому же Лия знала, что Гед не станет просить ее дважды. Если она не ответит ему прямо теперь, то завтра или потом, в ближайшие дни, ей придется самой его искать. Геду-кузнецу исполнилось двадцать два — он был на три года старше Лии, так что относиться к нему следовало с должным уважением.

— Я подумаю о твоём предложении, — сказала Лия и ужаснулась тому, что он может понять ее ответ как *может быть*.

По правде говоря, Лия понимала, что Гед собирается самым серьезным образом за ней ухаживать, причем непременно станет ковать железо, пока оно горячо. И как человек, который хочет остаться верным себе, Лия понимала, что обязана Геду отказать. Однако... если позволить Геду ухаживать за собой, то разве это не убедит общину, а особенно маму и тетю Лиззи, что она, так сказать, удержалась на ногах и ее истерзанное сердце пошло на поправку? Так или иначе, но

* Коляска на конной тяге — традиционный вид транспорта амишей, нечто среднее между фургоном и каретой.

подобный поворот в Лиинной судьбе когда-нибудь должен случиться! Если Иона связал свою жизнь с другой и счастлив с ней, то отчего же и ей не выйти замуж? Кроме того, с самого детства в Лиинной укоренилось одно представление: чтобы ее жизнь соответствовала Божьей воле и была угодна Господу, она должна выйти замуж и родить много детей — столько, сколько дарует ей и ее будущему мужу Господь.

Несомненно было одно — Лиинная всегда была рада поболтать с Гедом в амбаре, подкладывая корм вернувшимся с поля мулам либо готовя амбар для летних богослужений. Было приятно дружить с таким пользующимся доброй репутацией молодым человеком, как Гед. В иное время ей было почти жаль, что он не может полюбить девушку, чье сердце и в самом деле готово ответить на его чувство, например кого-нибудь из ее многочисленных двоюродных сестер из клана Эберсол, которых в одном Индюшином холме набралось бы с дюжину.

Разумеется, Геду хотелось жениться, то есть стать самостоятельным человеком, раньше своей сестры Ады. Даже Дорка, еще одна сестра Геда, причем младше Ады, всерьез присматривала себе жениха, о чем недавно поведала Лиинной Ада. Это не могло радовать Геда — первенца, да к тому же единственного сына в семье и всё еще неженатого, хотя к настоящему времени всем было ясно, что он любит Лиинную и только ее одну.

День за днем при одной мысли о любви к ней Геда Лиинная начинала страдать, и больше всего потому, что Гед-кузнец и в самом деле был прекрасным молодым человеком. Отказаться от мечты иметь семью только потому, что отношения с Ионой закончились ничем? Ради чего же ей мучиться? Кому от этого лучше? Кто или что может помешать ей выйти замуж за парня, который все эти годы ждет не дожидается ее руки?

Когда Гед кукурузным полем шел к себе домой, Лиинная провожала его долгим взглядом, всё еще не зная, как ответить на его приглашение. «*Надо спросить у мамы, что мне делать*», — подумала она и, покинув амбар, направилась на скотный двор.

Лия нашла маму на веранде.

— Сегодня опять жара, правда?

Мама ничего не ответила, только кивнула, и Лия, которой надое-ло молча терзать свою душу, ломая голову над предложением Геда, решила поделиться с ней своими сомнениями.

— Гед-кузнец предложил мне прокатиться с ним, мама. Как бы ты поступила на моем месте?

Прежде чем начать говорить, мама вытряхнула землю из цветочного горшка и ласково посмотрела на Лию.

— Если он тебя хоть капельку интересуется, то почему бы тебе не подумать, куда это может вас завести? Но, по-моему, он добрый, хо-роший юноша.

Легко предположить, что и отец думает так же, отметила про себя Лия. Неожиданно она вспомнила, как много лет назад мама говори-ла, что ей нравится Иона. Однако Лии не хотелось никаких сравне-ний между Ионой и Гедом.

— Насколько я могу судить, Гед уже давно тебя любит.

Лия задумалась над этими словами.

— Вообще говоря, мама, я иногда думаю, что было бы забавно куда-нибудь сходить с Гедом за компанию с другой парой.

Голубые глаза мамы вдруг стали серьезными, и она принялась сметать с деревянной полки остатки земли.

— Иногда мне кажется, что ты общаешься с Гедом просто потому, что его сестра — твоя лучшая подруга. Ты не замечала этого за собой?

— Ада не имеет никакого отношения к моей дружбе с Гедом, — тотчас ответила Лия.

Она с незапамятных времен дружила с сыном кузнеца. Несколь-ко раз они даже гуляли дотемна, но чаще их разговоры происходили на выгоне для скота. Обаятельная и в то же время торжествующая улыбка Геда привлекала Лию, и она боялась, что это каким-то обра-зом может повредить той любви, которую в глубине души она питала к Ионе.

— Значит, Гед понимает: где сокровище твое, там и сердце*, — про-говорила мама.

* См.: Лк. 12:34; Мф. 6:21.

Струившийся сквозь окна веранды свет оставлял на линолеуме солнечные пятна.

Где сокровище твое, там и сердце...

Лия вздохнула:

— О чем это ты, мама?

Мама, по-прежнему статная, не согнувшаяся под бременем забот, сидела, пристально глядя на Лию.

— Думаю, ты сама это знаешь, милая. Ведь в глубине своего сердца ты слышишь голос, который шепчет тебе, что ты должна и что не должна делать.

— Но я же не могу пойти и сказать Геду, что в роли воздыхателя он мне не нравится, правда? Это было бы так жестоко!

— Вместо этого ты могла бы ему сказать, что думаешь о нем как о родном брате.

Прекрасно зная Геда, Лия понимала, что, признайся она ему в этой истине, он воспримет это как вызов и постарается во что бы то ни стало завоевать ее сердце.

— Право, мама, даже не знаю, что мне делать.

— Тогда ничего не делай... пока не услышишь свой внутренний голос. Господь пошлет тебе подходящие слова, но всему свое время. Наше будущее в Его руках... никогда этого не забывай.

Мама была мудра, как и другая женщина, которую Лия так же хорошо знала, — тетя Лиззи. Лия была благодарна Всевышнему, что ее воспитали именно они. Правда, если бы она могла выбирать, когда ей узнать о том, что ее родила тетя Лиззи, то предпочла бы сделать это пораньше. Но что толку сейчас об этом говорить!

Мамины слова прервали печальные раздумья Лии:

— А почему бы тебе не расспросить Аду, как, по ее мнению, на твоё решение отреагирует ее брат?

— Я уже думала об этом, но у меня не поворачивается язык сказать то, что нужно сказать.

Мама на мгновение нахмурилась:

— Не узнаю тебя, Лия.

Лия заставила себя улыбнуться. Может быть, мама хочет сказать: *«Не помышляй о Гедеоне Пичи, пока твое сердце томится по Ионе Масту»?*

Анна и Мэри-Рурь

Лия не стала открывать маме, да и никому другому, всей силы тоски, что терзала ее. Словно эта тоска пустила длинные, похожие на стрелки, стелющиеся побеги, напоминающие те, что в ягодных местах иногда цеплялись за Лию, лишая ее возможности двинуться, заставляя топтаться на месте, сбивая с пути.

— Ты не боишься, что я никогда не выйду замуж... если отвергну любовь Геда? — вдруг спросила Лия.

— Ни капельки, точно тебе говорю, — ответила мама. — А вот если ты будешь несчастлива в браке, это будет очень печально. Лучше оставаться довольной жизнью *maidel*, как Лиззи, чем быть несчастной женой. Вот и всё.

Суждения противоположного толка Лия иногда слышала на посиделках, которые исправно посещала с мамой и сестрами-двойняшками. Необдуманные советы вовсе не являются редкостью, напротив — их можно услышать со всех сторон, однако Лия понимала, что именно традиционная склонность амишских женщин к созданию крепкой семьи побуждает их заключать брачные союзы и становиться хозяйками больших семейств. Отказ от вступления в брак считается отходом от обычаев общины.

Внезапно Лия почувствовала себя безумно усталой. На веранде было так душно, что ей захотелось перебраться в тень на бархатисто-зеленую лужайку, что на переднем дворе.

Она предложила маме помочь с оставшейся частью рассады, но та лишь отрицательно покачала головой.

— Ступай, побудь немного одна, — сказала она. — Бог знает, как ты утомилась.

Лия поцеловала маму в щеку и обошла дом с юго-восточной стороны, восхищаясь чудесными кустами набирающей цвет гортензии. В тени старого клена она прилегла на землю и заснула. В ее сне Иона никогда не уезжал из Индюшиного холма в штат Огайо учиться столярному ремеслу.

Всё было бы теперь совершенно иначе...

И всё же Лия не стала уступать своим чувствам. Даже на первый взгляд чистые, как у невинного ребенка, дневные сновидения могут быть греховными — она это знала. Иона теперь принадлежит Сэйди, а Сэйди — Ионе.

«*Наше будущее в Его руках*», — зазвучали в голове у Лии уверенные слова мамы.

Когда комары, принявшиеся было покусывать ее лодыжки, и звук обеденного гонга разбудили Лию, она сначала повернулась на другой бок, но потом всё же поднялась и направилась к дому.

⚡ О Г Л А В Л Е Н И Е ⚡

Предисловие к русскому изданию	5
ЧАСТЬ I	7
Пролог	9
Глава первая	12
Глава вторая	22
Глава третья	31
Глава четвертая	38
Глава пятая	48
Глава шестая	57
Глава седьмая	67
Глава восьмая	76
Глава девятая	85
Глава десятая	92
Глава одиннадцатая	104
Глава двенадцатая	114
Глава тринадцатая	128
Глава четырнадцатая	139
Глава пятнадцатая	149
Глава шестнадцатая	158
Глава семнадцатая	171
Глава восемнадцатая	179
Глава девятнадцатая	190
Глава двадцатая	200

Глава двадцать первая	209
Глава двадцать вторая	224
Глава двадцать третья.....	237
Глава двадцать четвертая	248
Глава двадцать пятая	260
ЧАСТЬ II	267
Глава двадцать шестая.....	269
Глава двадцать седьмая.....	279
Глава двадцать восьмая.....	284
Глава двадцать девятая	295
Глава тридцатая	304
Глава тридцать первая.....	311
Глава тридцать вторая.....	318
Глава тридцать третья	326
Глава тридцать четвертая.....	334
Эпилог.....	343
Благодарность.....	346

